

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

Е. А. Веселкин

ЛЮДИ В НАУКЕ

**(по поводу книги А. А. Никишенкова
«Из истории английской этнографии».**

Критика функционализма». М., 1986. 215 с.)

А. Купер, видный ученый, много работавший в британской антропологической традиции и знающий британскую этнографию «изнутри», в свое время написал о ней историографическую монографию «Антропологи и антропология». В качестве «включенного наблюдателя» он провел исследования в академическом «буше». Неизвестно, где автору было труднее проводить исследования — на Ямайке, в пустыне Калахари или среди своих коллег в академической общине. Однако его горькие признания в связи с неоднозначной и во многом резкой реакцией академической общественности на книгу свидетельствуют о том, что труд историографа не всегда можно назвать благодарным.

Тот факт, что «наблюдатель» и «информанты» говорили на одном языке и пользовались одним академическим жаргоном, отнюдь не предрасположил автоматически к установлению должного контакта и взаимопонимания. И вряд ли стоит тому удивляться. На наши оценки часто влияют явные или скрытые научные пристрастия, наша гражданская позиция, моральный климат общества и различные факторы, лежащие вне сугубо научной сферы, но тем не менее достаточно важные, такие как события текущей истории, изменение общественного мнения и многие другие, привходящие, но достаточно весомые и не всегда явные и учитываемые обстоятельства, вплоть до характера личных отношений.

Диалог на одном языке еще не подразумевает достижения истины. Серьезным препятствием может оказаться методологический барьер как между учеными разных стран, так и работающими в одной стране. И здесь решающие аргументы остаются за историей науки.

О трудностях достижения взаимопонимания свидетельствует и судьба вышеприведенной работы А. Купера. В конце концов через 10 лет он выпустил второе издание книги с симптоматично измененным названием «Антропология и антропологи», снабдив ее примечанием «полностью переработанное издание»¹.

Мы позволили себе такое довольно обширное вступление, чтобы подчеркнуть сложности, стоявшие перед автором рецензируемой книги. И то, что он «заочно» говорит с собеседниками, многих из которых уже нет в живых, только увеличивает трудности его задачи. И тут большое значение приобретает верно выбранный подход, который позволил бы сохранить объективность картины, обосновать свои этические оценки.

Социальную антропологию А. А. Никишенков рассматривает как некое системное единство, при исследовании которого в функциональной взаимосвязи используются несколько подходов: логико-гносеологический, социологический, психологический, историко-научный.

¹ Kuper A. *Anthropologists and Anthropology. The British School 1922—1972*. Harmondsworth, 1973; *idem. Anthropology and Anthropologists. The Modern British School*. L., 1983.

В центре анализа находится творчество двух крупнейших представителей британской этнологической науки — Б. Малиновского и А. Рэдклифф-Брауна. Сложны и неоднозначны отношения этих двух фигур и между собой и с другими членами научного содружества. Здесь и борьба самолюбий, научных амбиций, столкновение характеров и влияние момента: изменение настроений в академическом мире, колебания морального и политического тона отдельных социальных страт, событийная хроника текущего дня.

По-разному складывалась и их научная судьба. Малиновский — польский эмигрант времен первой мировой войны, обретший в Великобритании свою вторую родину. В период войны и после нее проводил исследования в западной части Тихого океана (главным образом на Тробриандах). Результаты своих исследований он впоследствии опубликовал в серии монографий. Написанные в живой и увлекательной форме в виде этнографических бестселлеров, они во многом способствовали популяризации этнографического знания и личности самого ученого, который объявил себя основателем функционализма и был признан в этом качестве широкой публикой и специалистами.

Искусный «серфинг» Малиновского на гребне научной моды имел под собой и более весомые основания. Волны «прилива», начавшегося в британской социальной антропологии, вынесли на поверхность зародившийся в ее недрах функционализм. Очень симптоматично и символично то, что монографии обоих авторов, ставшие классикой социальной антропологии, вышли одновременно, в 1922 г., и явились точкой отсчета в возникновении и развитии новой британской социальной антропологии. Это было объективным свидетельством назревшей необходимости перемен в науке, ее развития в изменяющихся социально-экономических и политических условиях.

А. Р. Рэдклифф-Браун, истый бритт из родовитой семьи, «джентльмен с монограммой», в первоначальный период «новой антропологии» находился в тени «малиновскианства». Но постепенно эйфория ортодоксального функционализма стала развешиваться. Не сразу, но стали сказываться различия в методологической ориентации этих двух ученых. История и опыт опровергали одни схемы, и возникала необходимость в построении новых. Перед второй мировой войной уже более четко начала проявляться разность их подходов на общетеоретическом уровне и идеологического смысла их социально-политических доктрин. Научная общественность стала охладевать к ставшим к тому времени ретроградными в контексте социально-политического развития Содружества доктринам Малиновского. Вспомнились его нетерпимость и безапелляционность суждений, то, что он использовал в своих трудах идеи учеников. Свою роль сыграло и то, что Малиновский покинул свою вторую родину в тяжелые для нее времена. Социально-политические взгляды его выглядели уже одиозными в глазах либеральной части ученых. А на основе концепции Рэдклифф-Брауна вырабатывались более привлекательные для «третьего» мира и более учитывающие реальность текущего дня концепции. И на мой взгляд, уничтожающая критика научных и идейных воззрений ученого в работе М. Глакмана «Анализ социологических теорий Бронислава Малиновского»² по сути дела явилась не только расчетом с научной молодостью Глакмана и его поколения, но и концом ортодоксального функционализма, связанного с именем Малиновского. (Его идеи нашли благоприятную почву в культурной антропологии США, но это уже другая тема.)

Вместе с тем оба ученых были детьми своего времени и много сделали для создания и развития социальной антропологии, что убедительно показано в работе А. А. Никишенкова.

Такие мысли не новы. Тема оценки структур-функционализма по разным поводам затрагивается в работах советских авторов. Причем оценки получаются весьма противоречивые, а иногда просто противоположные. Это можно объяснить многими обстоятельствами. Авторы, обращавшиеся к работам Рэдклифф-Брауна и Малиновского, интересуют разные аспекты их творчества, и большей частью они не задаются целью полного охвата всей проблемы. Поэтому один знак ставится при оценке их трудов по формуле «наука на службе империализма» и другой — при оценке, например, вклада Малиновского в создание лингвистической или экономической антропологии либо Рэдклифф-Брауна в изучение систем родства.

Разнобой и столкновение мнений по поводу структур-функционализма и в нашей

² Gluckman M. An Analysis of Sociological Theories of Bronislaw Malinowski. Cape Town, 1949.

и в зарубежной литературе создают трудности при воспроизведении целостной картины исследуемого феномена. Сочетая науковедческий и историографический подходы, А. А. Никишенков разработал эффективную аналитическую модель. Последовательное применение выбранной процедуры позволяет ему свести до минимума возможный субъективизм оценок, показав движение этнографического знания в его моральном, культурно-психологическом и социально-политическом контексте.

В соответствии с выбранной стратегией исследования А. А. Никишенков в I главе на широком научном, культурно-историческом фоне освещает генезис идей британского социально-антропологического истеблишмента. Во II — анализируется структурно-функциональный подход в том виде, в каком он сложился в работах его классиков. Их методологию автор рассматривает как предмет специального исследования и в свою очередь определяет собственный подход к этому предмету.

На мой взгляд, II главу можно назвать ключом к пониманию всей работы. А. А. Никишенков справедливо подчеркивает, что важнейшим моментом для понимания структурно-функционального подхода является методология как учение об исследовательском методе. Отсюда перед исследователем встает задача выявить роль методологии в системе научно-познавательной деятельности. Это важно для последующих оценок, ибо ее значение во многом определяется взаимосвязью таких компонентов научно-исследовательской деятельности, как теория, предмет, объект исследования, исследовательская проблема. В силу того что в нашей и зарубежной литературе методологические проблемы научного познания находятся в процессе постоянной разработки, автор проделал содержательную работу по их оценке, по определению и обоснованию взаимосвязи вышеприведенных категорий познавательной деятельности в их системной взаимосвязи для целей своего конкретного анализа.

В самом общем виде взаимосвязь элементов научно-познавательной деятельности в структур-функционализме представляется автору следующим образом: 1) формирование теоретической модели социальной антропологии («общество» и «культура» на максимальном уровне обобщения) и формирование методологических принципов, указывающих на то, что и как надо изучать в объекте; 2) реализация общих установок в процессе изучения конкретных обществ; 3) появившиеся в итоге описания и предметно-содержательные теории этих обществ и их отдельных институтов.

Рассматривая соотношение понятий теория, метод, объект, предмет, научная проблема (в виде категориальных пар, но не теряя вместе с тем представления об их системной взаимозависимости), А. А. Никишенков исследует прежде всего взаимосвязь категорий «теория» — «метод». Различая их функции в научном познании, он отмечает, что «теория — это специфическое отражение некоторых свойств объекта изучения, т. е. готовое знание о нем, а метод — совокупность приемов получения знания об объекте» (с. 50).

Хотя теоретическое и методологическое знания находятся в диалектическом единстве, это не исключает возможности избирать в науковедческих исследованиях в качестве предмета специального исследования либо теорию, либо методологию. В данном случае такое их разведение оправдано и плодотворно.

Методология научных исследований часто трактуется в самом широком смысле слова, как философско-мировоззренческая категория. Но в таком истолковании не принимается во внимание специфика методологии конкретных научных дисциплин. А позитивистская в большинстве своем ориентация западных наук на принцип «наука сама себе философия» активизирует обратную связь, когда на основании методологии конкретной науки строятся концепции философского уровня. Они будут всегда более или менее умозрительны, так как теория и методология среднего, инструментального уровня, основанные на специальном предмете исследования, в условиях методологического плюрализма неизбежно будут перекрывать недостигнутый уровень абстракции и обобщения спекулятивными соображениями о природе наиболее общих явлений природы и общества.

Это особенно уместно иметь в виду, когда речь идет о британской социальной антропологии, которая всегда отличалась «методологизмом», подчеркнутым вниманием к разработке специальных средств научного познания (собственно «структурализм», «функционализм» обозначают подходы, выработанные в рамках социоантропологии).

Выделение методологии как основного предмета анализа дает возможность А. А. Никишенкову определенным образом ориентировать свое исследование, дать основную точку отсчета для своих определений, выделить основные операциональные категории анализа и иерархические уровни процесса познания и их системные связи.

Подход позволяет определить философский, конкретно-научный и эмпирический уровни, их соподчиненность и критерии оценки каждого из них.

Рассматривая философско-методологические положения Малиновского и Рэдклифф-Брауна, автор определяет и приемы их критики и оценки, а именно истинность или ложность общих установок, степень соответствия основных общих категорий (таких, как «общество», «культура», «общественный закон») объективной реальности и соответственно обоснованность или необоснованность общетеоретических положений функционализма. Исследователь показывает, что они были общей стратегией исследовательской деятельности, где неизбежно присутствовала мировоззренческая интерпретация достижений науки. Оценивая этот мировоззренческий уровень, А. А. Никишенков приходит к заключению, что его ограниченность определила ограниченность познавательных возможностей структурно-функционального анализа.

Конкретно-научный уровень методологии структурного функционализма рассматривается как инструмент непосредственного анализа фактов, добытых с помощью определенных принципов исследования, специальных методов и исследовательских процедур. Основным критерием оценки здесь должна выступать познавательная эффективность специальной, конкретно ориентированной методологии.

При описании полевой работы автор анализирует применяемый методический инструментарий. Критерием оценки здесь служит эмпирическая достоверность — мера соответствия методики объективной действительности и конкретным задачам исследования, оценивается весь стиль работы, вплоть до личных особенностей ученого.

Выделение этих уровней исследования объективно соответствует структурным свойствам процесса познания, способствует дифференциации анализа и объективности оценок. Подход позволяет проследить сложный процесс диалектического взаимодействия разных исследовательских уровней в научном процессе движения от частичного к более полному знанию.

В III главе разработанный автором подход применялся при рассмотрении конкретных исследований Малиновского и Рэдклифф-Брауна по проблемам семейно-родственных отношений и религии в первобытных обществах. Заинтересованный читатель с пользой для себя ознакомится с содержательным анализом их творчества. Здесь демонстрируется в действии механизм оценок реальной значимости научных фактов, содержащихся в полевых наблюдениях ученых.

На конкретном материале автор определяет эвристическую ценность полевых методик структурного функционализма. Рассматривая соподчиненность уровней методологии, он продемонстрировал их логическую взаимозависимость. Проведя предметно-содержательный анализ исследовательской деятельности ученых, А. А. Никишенков приходит к заключению, что в их работах встречаются эмпирически верные наблюдения, которые могут оформляться в продуктивных конкретно-теоретических концепциях среднего уровня. Но в познавательном процессе приемы познания, вырабатываемые в ходе конкретного исследования, зачастую вступают в борьбу с исходными общетеоретическими принципами структур-функционализма. Действительность зачастую опрокидывает общие концепции, но и общие установки функционализма «в той мере, в которой они ложны, неадекватны, предвзяты, выступают как фактор, ограничивающий, а порой и сводящий на нет отдельные инструментальные достоинства его конкретных методов» (с. 58).

Таким образом, как общетеоретическая модель (на философско-мировоззренческом уровне) этот подход будет с неизбежностью давать искаженный аналог изучаемого объекта («общества», «культуры»), поскольку он неполон. Тут сказывается недостаточность структур-функционализма, когда специальная методология, во многом эффективная при разработке предметно-содержательных, конкретно-теоретических проблем на среднем уровне, неоправданно возводится в философский статус.

Здесь проблемы методологии, на мой взгляд, непосредственно соприкасаются с вопросом о социальном значении науки. Говоря об этой проблеме (в главе V — «Прикладная антропология: социальная инженерия, идеология или утопия?»), автор оценивает ее во всей ее многогранности как подсистему в системе общественных отношений.

Противоречивость общественного значения науки автор объясняет двойственностью социальной роли и этической позиции социальной антропологии. В ней борются люди и тенденции — закономерное стремление к получению возможно более точного знания и объективная необходимость практического использования полученных данных. А практика социально-антропологических исследований неизбежно сопрягается с политическими целями.

Определяя свою точку зрения по этому вопросу, А. А. Никишенков рассматривает деятельность британских ученых как «целостный процесс, в котором каждое действие... одновременно имело и политико-административное, и этическое, и идеологическое значение... сама прикладная антропология в ряде случаев теряла свою узкую специфику, смыкаясь с чисто академическими исследованиями и наоборот» (с. 172). Автор высоко оценивает полевые исследования, признает достоинства некоторых конкретно-методологических конструкций. Вместе с тем закономерно ставить вопрос о социальной ангажированности науки.

В целом работа демонстрирует нам эффективность избранного подхода к исследованию сложных и деликатных проблем научного творчества. Она позволила сбалансированно и доказательно оценить слабости и достоинства структур-функционализма как научного подхода. Она будет полезна и как пособие для исследователя, не занимающегося специально проблемами методологии науки в вопросе об оценке и использовании конкретных исследований и расшифровке теоретических построений британской социальной антропологии. Работа А. А. Никишенкова во многом помогает преодолеть методологический барьер. Он «слушает» своего оппонента и аргументированно ему отвечает.

Рецензируемое исследование дает читателю убедительные ответы на поставленные в нем вопросы, но, что, на наш взгляд, особенно важно, оно стимулирует постановку вопросов новых.

Интересна, на наш взгляд, проблема этики научного исследования. Анализируя конкретные исследования социоантропологов, автор пришел к выводу, что «методический принцип полевой работы приводил к определенной этической позиции; тот или иной идеологический, мировоззренческий постулат вел к предвзятости и тем самым исключал из поля зрения исследователя все то, что в реальной жизни в него не укладывалось» (с. 172).

Данное утверждение — результат проделанной кропотливой работы. Обращение к этому вопросу тем более важно, что зачастую считается чуть ли не плохим тоном касаться социальных, идеологических аспектов научной работы. И наоборот, узко сциентистский подход рассматривается как признак широты мышления. Такая позиция выглядит довольно нелепо, особенно в свете социально-политических деклараций «отцов-основателей» структур-функционализма (некоторые из их красноречивых высказываний приведены в книге). Не будем стремиться быть больше католиком, чем папа римский. Многие западные ученые признают социально-этическую обусловленность науки. Отнюдь не марксист и даже не диссидент «официальной церкви», видный антрополог и социолог, многое взявший от британской структур-функционалистской научной традиции, специалист в области этнорасовых отношений, занимающийся проблемами методологии науки, П. ван ден Берге отмечал: «Претендовать на то, что мы можем действовать в некоем свободном от ценностей вакууме, когда мы принимаем на себя роль ученого, является наивным заблуждением, которое может заставить нас скрывать наши предубеждения, но не в силах уничтожить их воздействие на наше мышление»³.

Здесь слышится ответ на весьма распространенное утверждение, что можно отделить роль ученого от роли гражданина и соответственно научные оценки от идеологических взглядов. Таким образом научная этика отделяется от этики социальной или наука провозглашается вообще этически нейтральной.

Возможно, ключ к пониманию нравственных проблем науки нужно искать в свойствах методологии научного исследования и шире — во всей цепочке научного процесса: теория — метод — объект (предмет) — исследовательская проблема.

Возьмем взаимосвязь в рассматриваемом процессе метода и объекта (предмета). Вопрос не столь уж схоластический, как может показаться, особенно применительно к этнографии. Здесь быстро развиваются пограничные исследовательские зоны, создаются новые направления, образуются субдисциплины. Данный процесс вызывает пристальное внимание ученых. Если советская этнография озабочена разработкой предметных зон в рамках общей теории этноса и ее дальнейшим уточнением и развитием, то для социокультурной антропологии вопрос стоит гораздо радикальнее — по сути дела о поиске своего объекта исследования, о путях развития и судьбах самой науки. Этим во многом и объясняется «методологизм» социальной антропологии. Выделение в качестве исследовательского объекта «культуры» или «общества» при известной условности такого деления предполагает и определенные различия в методологической ориентации, которые могут быть и очень значительными (как в случае Рэдклифф-Брауна и Мали-

³ *Berghe P. van den. Race and Racism. N. Y., 1967. P. 2.*

новского). Внимание к методологическим проблемам может объясняться и слабостью общей теории (отсутствием общепризнанных представлений об объекте науки) или подчеркнутым эмпиризмом многих исследований, когда основная задача заключается в построении методик для изучения конкретной проблемы.

Возьмем наиболее общее определение — «предмет этнографической науки — совокупность особых изучаемых только ею свойств объективной реальности»⁴. Причем будем иметь в виду, что складывание предметной области и развитие конкретной научной дисциплины происходят в рамках существующей научной традиции на основе усвоения реального опыта науки и путем системно-логического анализа, «... само выявление этих свойств познаваемого объекта — уже результат взаимодействия с ним познающего субъекта»⁵. Но субъект не является суверенным творцом объекта или его свойств, ибо предметная область определяется «... не произвольным выбором проблем, а наличием у объекта определенных специфических свойств»⁶.

Эти свойства объекта являются предметными зонами, исследуемыми различными направлениями и субдисциплинами антропологии. Нас сейчас интересует мысль об активной роли метода (средства, способа познания субъекта) в формировании и изучении предметных зон (свойств объекта). В творческой работе исследователя происходит двусторонне активизированный (метод — предмет) процесс конструирования общеметодологической теоретической модели объекта конкретной научной дисциплины. Взаимодействие предмета и метода во многом определяет создание аналога действительности, что подразумевает роль метода в ориентировании науки по постановке исследовательских задач. Выявляется связь между исследовательской проблемой, методом и предметом. Ориентация метода по цели и задаче подразумевает этическую обусловленность исследования.

Не менее активную роль в организации познавательного процесса играет категориальная пара «теория» — «метод». Для проверки теории используются определенные средства. Выбор этих средств в значительной мере влияет на результат. Такая взаимосвязь придает и этому срезу познавательного процесса определенные оценочные свойства, и здесь активная роль также отводится методу.

Уже в первом приближении вырисовывается не только активная познавательно-посконая роль метода, но и его значение в выборе ценностных ориентаций. Разный исторический опыт и использование системно-логического анализа в разных целях сказывается в различном понимании объекта науки в советской этнографии и в британской социальной антропологии. Но различия в определении исследовательского объекта ведут к различиям в обобщениях на философско-мировоззренческом уровне и в самой британской социальной антропологии.

Выше уже отмечалось, что неадекватность мировоззренческих представлений может вести к деформации представлений о реальности на специальном теоретико-методологическом уровне и даже к искажению картины действительности на эмпирическом уровне. Взять, например, этику эволюционизма. Представление об однолинейности эволюционного развития в массовом сознании сформировалось в расхожее представление о «дикарях» и «цивилизаторской миссии» белого человека. Оно существовало и в британской этнографии в виде доктрины «вестернизации». Функционализм Малиновского развивал идею культурного релятивизма, доводимого до крайностей культурного детерминизма (возьмем идею «инкапсуляции» южно-африканских народов в рамках своих культур)⁷. Структурализм Рэдклифф-Брауна, продолжаясь, к примеру, в работах М. Глазмэна, признает идею развития, принцип взаимозависимости и взаимодействия всех рас и народов в социальном процессе. В развитии эта идея привела к созданию конфликтной модели плюрального общества в многорасовой ситуации⁸.

Мы постоянно наблюдаем, что подход к изучаемому объекту (предмету) определяет осмысление действительности, и, наоборот, общетеоретические и идеологические позиции влияют на выбор средств познания и доказательства. И это закономерно. Разность теоретических установок обозначает для нас «непознанное пространство», где образуется место для дискуссий и где диалектика логики движет нас к постижению более полного знания. Это «непознанное пространство» не является застывшим и не лежит в одной временной плоскости. Оно образуется тогда, когда возникает необходи-

⁴ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973. С. 204—205.

⁵ Там же. С. 5, 204—205.

⁶ Там же. С. 207.

⁷ Mayer Ph. Townsman or Tribesmen. Cape Town, 1962.

⁸ Gluckman M. Custom and Conflict in Africa. Oxford, 1959.

мость для дискуссий, переосмысления созданного или разработки новых направлений. Оно существует там, где ощущается необходимость в создании новых методов и формулировке проблем. Иначе говоря, это необходимый момент процесса познания.

Различная социально-экономическая и идейно-политическая практика формулирует наши цели и формирует наши средства для решения соответственных исследовательских задач. Это проблема общенаучная, действительная и не зависит от признания или отрицания ее в теоретико-методологических установках отдельных ученых, школ и направлений. И с такой точки зрения этическая нейтральность науки является фикцией. Возможно, ключ к объяснению проблемы лежит в самом механизме познания, в связи категорий теория — объект (предмет) — метод — проблема. Эта взаимосвязь, как отмечалось выше, придает оценочные свойства методу. В дискуссионных, спорных сферах познания проходят апробацию различные ценностные ориентации. Понятие ценностей, неразрывно связанное с моральными суждениями, широко разрабатывается в западной общественной мысли.

Одно из наиболее распространенных, признанных определений дано у К. Клакхона: «ценность — это представление о желаемом, осознанное или безотчетное, характерное для индивида или для группы, которое определяет выбор из доступных способов, средств, и целей действия...»⁹. Здесь прослеживается связь между целью и средством, опосредованная выбором ценностей.

В общей теории всегда заложена нравственная идея, и она зачастую определяет выбор метода, срабатывающего на общую цель. Такое предположение не отрицает и обратной связи, когда выбранная методология, пусть даже и неосознанно, направлена на достижение желаемого результата. Скорее всего здесь диалектически действуют взаимосвязи в процессе познания, с упором на ту или иную его сторону в зависимости от фазы процесса. В таком случае мы опять должны признать активную познавательно-ориентировочную роль метода.

Видимо, это имел в виду профессор Бостонского университета, видный специалист в области методологии общественных наук С. Тейт. Вопрос о методе он ставит широко, понимая его как способ взаимодействия человека с окружающей средой: «...метод есть продолжение человека, способ, которым он решает касающиеся его проблемы — идет ли речь об экономике, о посадке бобов или сооружении камина или создании книги»¹⁰.

В соответствии с такой точкой зрения, метод, избираемый нами, определяет наше отношение к жизни. И здесь могут крыться опасности, предостерегает С. Тейт. Одна из них — дальнейшее разъединение людей в нашем и так уже достаточно разделенном мире. Другая кроется в некоторых неспроверженных методологических предпосылках. Как пример он приводит концепцию национального характера. Если она исходит из предпосылки об уникальности национального опыта, то может оказаться наихудшим видом национализма.

Чтение работы А. А. Никишенкова укрепляет в мысли о том, что метод не является нейтральной категорией. Он действует в системе оценочных суждений и несет в себе целевую направленность. Метод «работает» на цель, а цель в свою очередь определяет выбор средств ее достижения. Наша гражданская этика определяет этику научного исследования, т. е. сам выбор целей и средств их достижения.

Эти размышления о природе и характере этического начала в науке — пример эффективности и плодотворности подхода, избранного А. А. Никишенковым. Он позволяет соотнести в единой шкале оценки разных граней научной деятельности британских социантропологов в рамках структурно-функциональной методологии.

Кстати, на наш взгляд, в работе было бы лучше развести эти понятия — «структурализм» и «функционализм». Сам автор, постоянно сопоставляя взгляды Малиновского и Рэдклифф-Брауна, в чем-то их и противопоставляет. Рэдклифф-Браун очень сдержанно относился к неумеренному употреблению понятия «функция», считая, что на таком широком и всеобщем уровне оно теряет свою эвристическую ценность (хотя в свою очередь абсолютизирует принцип структурированности). И по тексту А. А. Никишенкову приходится оперировать кроме вынесенного в заголовок понятия «функционализм» также и термином «структурализм» — именно тогда, когда ему приходится говорить о различиях в позициях этих двух ученых и давать характеристики их последователей. В конце концов автор в специальной главе (IV) говорит о двух школах (Малиновского

⁹ Цит. по: Аверкиева Ю. П. История теоретической мысли в американской этнографии. М., 1979. С. 158.

¹⁰ Tate C. Method in American Studies. Minneapolis, 1976.

и Рэдклифф-Брауна). Если условиться, что направление шире школы, то, на наш взгляд, можно говорить о двух направлениях.

Не стоило бы так категорически адресовать упрек в антиисторизме обоим ученым в равной мере. Функционализм Малиновского был воинственно антиисторичен. Антиисторизм же Рэдклифф-Брауна скорее полемичен. Он был направлен прежде всего против исторической школы Ф. Боаса. А их понимание исторического не совпадает. «Историзм» Боаса — неокантианского типа, тогда как Рэдклифф-Браун стремился к поиску общих законов развития. На наш взгляд, в оценке данного момента точнее более ранний рецензент творчества Рэдклифф-Брауна, американский социолог Ч. Харт. Касаясь интересующего нас вопроса, он писал: «...те, кому приходилось составлять представление о его системе по его публичным выступлениям, не могли во многих случаях осознать, что там не только было место для подлинных исторических интересов и проблем, но что так же и в своей исследовательской работе он постоянно стремится объединить синхронический и диахронический методы»¹¹.

Хотя, оговоримся, можно понять и автора рецензируемой книги. Эти замечания, так сказать, ретроспективны с позиций сегодняшнего дня. А. А. А. Никишенков говорит в основном о периоде, когда методологические различия функционализма и структурализма не были столь явны и социально-политический подтекст их доктрин еще не был столь ясно продемонстрирован самим ходом социально-политической истории послевоенного мира, и историография обращала внимание прежде всего на общее в этих доктринах.

Как бы то ни было, но здесь как раз и проявляется достоинство избранной А. А. Никишенковым методики. Она дает возможность объективно оценить различные сложные и подчас скрытые в подтексте исследуемых работ моменты и позволяет избежать субъективизма в оценке общей картины.

Обсуждаемые проблемы опять возвращают нас к вопросу о перспективах и судьбах этнографической науки, и прежде всего к проблеме определения объекта и предметных зон этнологии (этнографии). При поиске ответов на этот вопрос естественно напрашивается сравнение советской и зарубежной этнографии. Перспективный поиск точек соприкосновения и основ для взаимопонимания находится в сфере сопоставления методологий. На мой взгляд, наша этнография с концепцией этноса-объекта оказалась больше методологически подготовлена к «этническому взрыву», сопровождающемуся «этнографическим бумом», хотя есть у нее свои методологические трудности и дискуссионные проблемы.

Явления этнического возрождения в известной степени оказались неожиданными для западной этнографии. Социокультурная антропология сравнительно недавно начала теоретическо-методологическое осмысление феномена в концепции «этничности». Проверка ее в «поле» показала, что известные, ставшие классикой социокультурной антропологии монографии дают неполное отражение этнической реальности. В своем исследовании этнического статуса нуэров и динка, этого традиционного «прихода» Э. Э. Эванс-Причарда, А. Саутхолл отметил в работе последнего весьма важные неточности. В частности, он поставил под сомнение наличие у них единого этнического самосознания¹².

Но «этничность» является одной из предметных зон социокультурной антропологии в ряду других. Параллельно идут процессы методологического самоопределения новых направлений в рамках этнографического знания — этноистории, биосоциальной антропологии, этологии человека, экологической антропологии и т. д.

О чем говорит этот процесс? Многие оппоненты социокультурной антропологии в западном обществоведении расценивают данное явление как признак слабости, как свидетельство размывания предметной области науки. И тут есть свое рациональное зерно.

Слабость прежде всего заключается в том, что при интенсивной разработке новых предметных зон не создается общее цельное представление об объекте. Методологический плюрализм иногда рассматривается как достоинство западной обществоведческой мысли. В данном случае он крайне затрудняет конструирование единого объекта.

Понятие «культура» слишком аморфно, расплывчато и просто противоречиво, чтобы быть эффективной аналитической концепцией. Не прекращаются дискуссии и по пово-

¹¹ Харт Ч. У. Культур-антропология и социология//Современная социологическая теория в ее преемственности и развитии/Под ред. Беккера Г. и Боскова А. М., 1961. С. 604.

¹² Southall A. Nuer and Dinka are People: Ecology, Ethnicity, and Logical Possibility//Man, V. II, № 4. P. 463—491.

ду понятия «общество» (не говоря уже о том, что на этом пути трудно определить специфику объекта социальной антропологии). Представление о социокультуре, на мой взгляд, не решает проблемы. Понятие слишком громоздко и составлено из неопределенных величин.

Важным фактором, определяющим особенности развития науки, является и историческая традиция. В этнографическом знании сливаются по сути дела все представления о человеке, его деятельности и связях с окружающим миром. В процессе своего формирования этнография усваивала достижения многих естественных и гуманитарных наук, специальных дисциплин. Специфика этнографического знания обусловила и современный бурный процесс образования пограничных исследовательских зон, сопровождающийся разработкой изощренных процедур и методик исследования, соответствующих конкретно-методологическим ориентациям.

Но вместе с тем получается, что это работа по складыванию из высококачественных материалов здания, у которого нет общего проекта. Это также одна из причин того, почему в западной этнографии наблюдается столь обостренное внимание к методологическим проблемам, не затихают разговоры о «кризисе» науки. Что же это: кризис роста или кризис веры? Размывание предметной области науки или естественный процесс развития знания?

На этом пути предстоит сложная работа по соотношению методологических понятий, в ходе которой еще придется осмыслить названный процесс. Стремление решить эту задачу наблюдается в рамках социокультурной традиции. Вместе с тем как в советской, так и в зарубежной западной этнографии существует стремление к сопоставлению, сравнительному взаимному анализу методологических достижений и использованию опыта.

И все же, если говорить о кризисе, то это, на мой взгляд, скорее кризис роста. Этнографическая наука — «полигон», где «испытываются» теоретические, методологические концепции, важные для обществоведения. Этнография, как никакая другая наука, обладает возможностями для сравнительного анализа, во многом заменяющего экспериментальную проверку истинности предположений точных наук. Возможно, в этнографии вырисовывается прообраз будущей синтезированной науки о человеке. Процесс интеграции будет постоянно и естественно сочетаться с процессом диверсификации, процессом самоопределения специальных направлений в рамках общей теории, методологии этнографии как целостной науки. Ее социальная роль во многом будет зависеть от этической ориентации методологических разработок.

Пример критического осмысления опыта зарубежной этнографии представляет книга А. А. Никишенкова. Она являет собой образец позитивной критики, под которой здесь подразумевается ее достоверность, конструктивность, проблемность.

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Ю. В. Бромлей. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. М., 1987. 332 с.

Рецензируемый труд продолжает серию успешных исследований автора в области этнической и этнографической проблематики.

Тематика книги весьма обширна в проблемном, временном и территориальном планах — от терминов, обозначающих этносы древности, и компонентов этносоциальной структуры средневековья до современных этнических проблем в мире и межнациональных отношений в советском обществе. Этносоциальные общности, их изменения, их взаимоотношения — вот объединяющий стержень всех работ, включенных в книгу.

Большая часть книги посвящена современным этносоциальным процессам при социализме, итогам и задачам их изучения, а также идейно-политическим аспектам этносоциальной проблематики. Среди других проблем здесь раскрывается историческое значение ленинской национальной политики, рассмотрено развитие конституционных основ советского многонационального государства, говорится об особом значении вопросов управления национальными процессами, которые должны решаться «совместными усилиями теоретиков и практиков, усилиями представителей всех наук, прямо или косвенно изучающих практику и теорию национальной жизни как у нас в стране, так и за рубежом» (с. 254) ¹.

¹ Кстати, о зарубежье. В последнее время, несмотря на противоречия и силы торможения, страны ЕЭС на основе интенсивной экономической интеграции переживают